

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ *

В о п р о с № 2: «Что унаследовал русский литературный язык XIII—XIV вв. от предшествующего периода и в чем сказалось влияние на него северновосточнорусского этнографического и диалектного (великорусского) окружения?»

Представляется необходимым установить само понятие русского литературного языка применительно к XIII—XIV вв. Как уже неоднократно отмечалось в нашей лингвистической литературе, письменные памятники XIII—XIV вв. по их содержанию и культурно-общественной функции в общем распадаются на три большие группы: богослужебные произведения, повествовательная (в широком смысле) литература и всякого рода деловые документы. Богослужебные произведения предназначались для нужд религиозного культа, в них не находила своего отражения (исключая приписки, заметки на полях и прочее) жизнь древнерусского общества. Это была специфическая «литература для чтения» с закостеневшими канонизированными текстами. Язык богослужебных произведений был хотя и близок (ввиду генетического родства) к народному древнерусскому языку, но все же был чужим для древнерусского населения. Как известно, местная древнерусская окраска церковнославянского языка XIII—XIV вв. несколько усилилась по сравнению с XI—XII вв., но все же церковнославянский язык сохранился без существенных изменений: он «унаследовал» почти все, что было в нем в XI—XII вв. Церковнославянский язык в XIII—XIV вв. продолжал оказывать мощное воздействие на собственно русский литературный язык, и это воздействие позже еще более усилилось. Приходится сожалеть, что изучение истории собственно церковнославянского языка, имеющей очень большое значение для понимания сдвигов, происходивших в русском литературном языке, прекратилось.

Изучение языка деловых документов очень важно для установления процессов, имевших место в народной древнерусской речи. Однако нужно иметь в виду, что грамоты, договоры, письма и т. п., как правило, не предназначались для ознакомления с ними посторонних лиц. Деловые документы не предназначались для чтения их «широкой публикой», они не были литературой, поэтому их воздействие на нормы складывавшегося и развивавшегося литературного языка было ограниченным. Лишь тогда, когда деловые документы обнародовались, т. е. включались в летопись, они становились доступными для древнерусского читателя.

Произведениями собственно древнерусского литературного языка можно считать памятники второй группы — летопись, хроники, повести, жития, поучения, «слова» и т. п. В них, как в фокусе, находили свое отражение процессы, происходившие как в народном устном языке, так и в сфере книжной речи. Они представляли собой не только генеральную линию развития литературы, но и генеральную линию развития литературного языка. Хотя нормы этого литературного языка сильно колебались (от чисто церковнославянского до народно-разговорного, что зависело от многих обстоятельств, прежде всего от тематики и целенаправленности текста произведения), все же в нем была ощутительна тенденция

* Продолжение публикации ответов на анкету, опубликованную в № 4 за 1959 г. (стр. 50—51).

переходить в новую систему церковнославянскую и древнерусскую разговорную стилистику. Процесс этого сплавления начался с самого зарождения письменности в древней Руси, а в XIII—XIV вв. он нашел свое продолжение в «Итоги» языкового синтезирования, протекание которого было таково, что и церковнославянский и древнерусский языки были родственными, постоянно изменялись, но «наследство», полученное в XIV вв. от предшествовавшего периода, сохранилось. Изучение связей церковнославянского и древнерусского языков — одна из главных задач истории русского языка. Продолжающиеся попытки вычлени «древнерусский литературный язык, независимый в своем развитии от церковнославянского языка, специально не аргументируются в своей основе историко-лингвистическими доказательствами. Как сказалось влияние на литературный язык XIII—XIV вв. «диалектного окружения» (что такое «этнографическое окружение» в лингвистическом отношении — непонятно)? Насколько мы можем судить по фактам у нас фактам, это влияние сказалось во всем: в фонетике, грамматике и лексике. Лучше сформулировать вопрос иначе: как сказалось это влияние, каковы были его результаты. XIII—XIV вв. — важный рубеж в истории восточнославянской речи. Экономическое и политическое развитие древней Руси подготовило почву для роста и укрепления диалектных особенностей. На севере — довольно некоторые явления, связанные с судьбой *ъ* и *ь*, появление сочетаний *кѣ, гѣ, хѣ*, форм местоимений *меня, тебя, себя*, утрата ряда особенностей общевосточнославянского происхождения, продолжавших сохраняться на юге, и т. д., на юге — фрикативный *γ*, начало развития комплекса явлений, связанных с изменением *ѣ* и псалонных *е, о* в закрытых слогах, утрата некоторых особенностей общевосточнославянского происхождения, продолжавших сохраняться на севере, и т. п. Особый интерес представляют развивавшиеся расхождения в лексике. После работ Л. А. Булыгина и его диссертаций, в которых содержатся новые наблюдения. К сожалению, они еще не обобщены и не проверены в свете широкого сравнительно-исторического анализа на материале всех славянских языков. Мы теперь располагаем несравненно большим материалом и можем ставить вопрос о древнерусских диалектных группах не только проблематически. Основываясь на новых материалах, в какой-то мере можно говорить о том, существовали ли в XIII—XIV вв. особые восточнославянские языки. Можно сказать, что какой-либо глубокой дифференциальной перестройки к XIII—XIV вв. в восточнославянской речи не произошло. Процесс дифференциации только начался, и еще нельзя говорить о том, что уже возникли особые великорусский, украинский и белорусский языки. О возникновении особых восточнославянских языков можно говорить только применительно ко времени конца XIV—XVI вв. Попытки некоторых современных языковедов считать началом образования украинского языка XII и даже XI в. ничем не обоснованы и являются плодом недоразумения. Наличие в памятниках XI—XII вв. немногих диалектных особенностей, которые впоследствии входят в систему украинского языка, объясняется только тем, что некоторые его черты восходят к XI—XII вв. Между прочим, выделение языков, как известно, представляет собою не только лингвистическую проблему. В древнерусских памятниках XI—XIV вв. мы не находим никаких следов того, чтобы великоруссы противопоставляли себя как особую народность украинцам и наоборот. Это и понятно: в это время не было еще ни великоруссов, ни украинцев, ни белорусов. В литературном языке того времени локальные особенности не переросли ступень диалектных различий внутри единого древнерусского языка.